

Мы все связаны узами семьи, и я всегда считал: как бы ни была глубока вода, кровь всё равно гуще... Впрочем, если бы это услышал ты, то наверняка с усмешкой бросил бы в ответ: Ну и что с того?

Представив этот полный горделивого пренебрежения взгляд, Фан Боцяо замолчал, погрузившись в свои мысли.

В окно ворвался теплый ветерок, колыхнув белые занавески. Мужчина под ними лежал неподвижно. Фан Боцяо протянул руку и осторожно коснулся знакомых бровей, глаз, провел пальцами по прямой линии носа, плотно сжатым тонким губам, волевому изгибу подбородка... Кожа была чуть прохладной. Он отдернул руку и прижал её к своей правой щеке, которая до сих пор горела от удара.

Сегодня утром я рассказал родителям о нас. Отец... он разозлился гораздо сильнее, чем я ожидал. Это был первый раз, когда он поднял на меня руку. Он, должно быть, очень расстроен... Мне так совестно, но я ни о чем не жалею. Мама тоже была потрясена, но пообещала уважать моё решение.

Я не знаю, как заново добиваться чьего-то расположения, но первый шаг оказался не таким уж трудным. Я буду приходить каждый день. Если не хочешь меня видеть — просто буду сидеть рядом. Ты... пожалуйста, поправляйся.

Спустя долгое время Фан Боцяо покинул палату. Едва дверь тихо закрылась, как светлые глаза на кровати медленно приоткрылись. Взгляд, не мигая, был устремлен на дверь, за которой скрылся гость.

Пэй Иньсюань вышел из палаты и обернулся к следовавшему за ним Пэй Иньсы:

— Брат, видишь? Если захотеть, всё получится. Я очень рад, что ты наконец пошел на уступки.

Если бы они с отцом продолжали упрямяться, в их семье никогда не воцарился бы мир.

Пэй Иньсы лишь глухо хмыкнул:

— Обстоятельства вынудили. Думаешь, я сделал это по доброй воле?

— Не говори так. Мне этот Фан кажется неплохим парнем. Если бы ты не относился к нему с предубеждением... — Пэй Иньсюань покачал головой, собираясь еще немного поувещевать старшего брата, но Пэй Иньсы отрезал:

— Сделать шаг навстречу — это предел моих возможностей. Не жди, что я буду улыбаться.

Едва он договорил, как голову пронзила острая боль. Его пошатнуло, и он чуть не лишился чувств.

Пэй Иньюань испугался и поспешил поддержать его:

— Что случилось?

— Ничего... просто голова разболелась...

— И ты называешь это ничего? Какая головная боль может быть настолько сильной?

Пэй Иньюаня пробрала дрожь. В памяти всплыли недавние странности брата: всегда такой собранный, он вдруг начал всё забывать, его память явно ухудшалась, а теперь ещё и эти боли... Его охватил ледяной ужас. Дрожащим голосом он спросил:

— Брат... неужели у тебя...

Как это возможно? Ведь с момента операции не прошло и месяца!

— Не делай такое лицо. Когда я увидел результаты анализов, я был даже рад, — Пэй Иньсы, чье лицо до этого было мертвенно-бледным, немного пришел в себя. Он отстранил руку брата и задумчиво добавил: — Это наверняка её воля. Пришло время мне отправиться к ней, пока отец ещё жив... Возможно, она тоже чувствует, что Пэй Чэн нашел свое счастье.

Именно поэтому он и решил уступить им.

— Прошу тебя, хватит нести чушь! — Пэй Иньюань был на грани срыва. — Где результаты? Покажи мне!

Пока он не увидит их своими глазами, он ни за что не поверит!

— Не нужно. Я и так скажу. Здесь, и вот здесь, — Пэй Иньсы сохранял спокойствие. Он указал на свою голову, затем на область сердца и добавил так буднично, будто говорил о погоде: — Раковые клетки уже распространились. Неудивительно, что в последнее время мне часто не хватало воздуха. Оказывается, метастазы пошли не только в мозг.

Пэй Иньюань застыл, а затем пробормотал:

— Невозможно, это просто невозможно...

Он бесчисленное количество раз видел в клинической практике, как после успешной операции

у пациентов снова обнаруживались метастазы, и давно должен был очерстветь. Но когда это коснулось его собственного брата, он понял, что чувство падения из рая в ад способно буквально разорвать сердце в клочья.

— После того случая странные последствия черепно-мозговой травмы у господина Пэя как будто исчезли.

— После того случая? — новая медсестра, принеся еду, обернулась с вопросом.

И правда, необъяснимое неврологическое расстройство, которое с трудом поддавалось лечению, внезапно прошло. Даже заведующий нейрохирургией, практиковавший десятилетиями, был поражен, но так и не смог найти причину.

— Ну, с тех пор, как к нему начал приходить он! Тот невероятно красивый старшеклассник... — медсестра не могла скрыть восторга. — Он и сегодня пришел, сейчас они с господином Пэем в зале для реабилитации.

— О... — медсестра-сиделка почувствовала, как сердце пропустило удар. Тот парень и правда был очень красив, даже правильнее будет сказать — прекрасен.

Он ведь ещё школьник, младше неё на несколько лет, но... Она остановилась у входа в реабилитационный зал для VIP-пациентов и заглянула в приоткрытую дверь.

Может, ей показалось, но всего за один день его фигура в опрятной белой форме стала выглядеть ещё стройнее и изящнее. По сравнению с мужчиной в комнате это было небо и земля. Господи... он вообще хоть что-нибудь ест? Похоже, лечебная диета, которую она принесла, гораздо нужнее ему самому.

Хотя он приходит часто, он почти не говорит, чаще просто молча наблюдает, как господин Пэй делает упражнения. Кем они друг другу приходятся? Родственники? Друзья? Одноклассники? Ни на что не похоже. Иногда, когда она заходила по делам, она чувствовала между ними какую-то странную атмосферу. Не передать словами, но она несколько раз порывалась сбежать оттуда сломя голову.

Если этот парень уходил, она старалась держаться подальше. Потому что после его ухода у господина Пэя обычно был самый скверный характер. Почему? Она никак не могла понять.

В прошлый раз, когда она делала ему массаж в течение получаса, она так нервничала, что едва не упала в обморок. Она видела немало детей из богатых семей, но ни у кого из них не было такой холодной, пронизывающей ауры, как у него.

— Простите, господин Пэй, я принесла ваш ужин.

Прошло несколько секунд. Мужчина, тренировавший поврежденную руку с помощью весов, не удостоил её ответом.

Почувствовав, что атмосфера в комнате стала ещё хуже, она, стараясь даже не дышать, быстро шагнула вперед, но споткнулась о край ковра и потеряла равновесие.

Конец... — в отчаянии подумала она, понимая, что не успевает среагировать.

— Осторожно.

Внезапно чья-то рука подхватила её. Она успела перехватить поднос и чудом спасла диетический набор, разработанный целой группой нутрициологов. Она с глубокой благодарностью подняла глаза и встретилась с черными, как смоль, глазами.

— Бах! — рука дрогнула, стакан на подносе опрокинулся, и напиток вылился прямо на парня.

— А... простите, простите!

Она в ужасе засуетилась, извиняясь. К счастью, старшеклассник снова среагировал быстро и удержал поднос, предотвратив большую катастрофу. Но его белая форма промокла насквозь... Она не решалась смотреть по сторонам, на секунду задержала взгляд на его правильном лице, где не было ни тени гнева, и тут же отвела глаза.

...Может, это шанс?... Она закусила губу и, набравшись храбрости, пролепетала:

— Это всё моя вина, правда, извините... Если не возражаете, я принесу вам хирургический халат, а вы снимите рубашку, я её постираю и высушу, а потом верну.

— ... — Фан Боцяо нахмурился, чувствуя неловкость. На рубашку пролился напиток, а не вода, поэтому её действительно нужно было снять, но он не хотел доставлять неудобств этой девушке.

— Ничего страшного! — продолжала она настаивать. — Это не займет много времени...

— Не нужно. Выходи.

Холодный тон пришел на смену ожидаемому мягкому мужскому голосу, и это подействовало на медсестру, как ведро ледяной воды на разгоряченную голову. Она оцепенела, глядя, как мужчина, который только что впервые заговорил с ней, медленно поднимается на ноги. Она невольно отступила назад, её пальцы дрожали.

...Этого взгляда достаточно увидеть один раз.

Она не помнила, как вышла из комнаты. Опомнилась она уже в коридоре, когда тяжелая дверь реабилитационного зала захлопнулась у неё перед носом. Она долго стояла в оцепенении, и даже когда коллега подошла к ней, она не могла прийти в себя от шока.

Господин Пэй... и этот парень... кто они такие?

Если ей не показалось, то в глубине его глаз, когда исчез холод, была видна... неистовая, поглощающая жажда обладания.

В комнате снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом кондиционера. Глядя на плотно закрытую дверь, Фан Боцяо опустил глаза. Поколебавшись, он поднял руки и начал расстегивать пуговицы на рубашке.

Ткань постепенно открывала его тело, сквозь тонкую кожу проступали мышцы. Затем он расстегнул ремень, вытянул край рубашки. Одежда соскользнула с плеч на руки, обнажая тонкую, но крепкую спину.

Из-за того, что он долго не бывал на солнце, кожа стала бледнее, чистой и безупречной. Красные пятна, которыми она была покрыта раньше, почти исчезли.

Он поднял брошенную одежду и направился в душевую комнату при реабилитационном зале.

Едва он закрыл за собой дверь, как в следующее мгновение её грубо распахнули.

Глава 13

Часть тела, сжимавшая мужчину, непроизвольно продолжала сокращаться. Слипшиеся губы разомкнулись, тяжелое, прерывистое дыхание колдовским эхом отдавалось в ушах. Прежде чем погас последний луч света, он почувствовал, как горячая волна вырвалась наружу, проникая в самую глубину его тела...

Хотя он и был готов к этому, интенсивность их близости превзошла все его ожидания.

Его глаза были сухими, он даже не подозревал, что его слезные железы способны вырабатывать столько влаги. Виновник случившегося, похоже, тоже был удивлен. Были ли это слезы от боли, причиненной жестоким наказанием, или от той капли нежности, что иногда пробивалась сквозь ледяную маску, или...

— ...Ты похудел килограммов на десять, не меньше?

Удивленный тем, что он так точно угадал цифру, Фан Боцяо слегка помедлил и кивнул. Хотя его уже видели без одежды, он инстинктивно плотнее завернулся в одеяло, пытаясь скрыться от этого пронзительного взгляда.

Усталое тело совершенно не желало принимать пищу, но, как только он закончил пить густой бульон, перед ним снова оказалась тарелка с едой. Он покачал головой:

— Поешь сам, я больше не могу.

— Ешь сам, или я буду кормить тебя изо рта. Результат будет один, — холодно сказал Пэй Чэн.
— У тебя и так жира не было, а ты ещё сильнее похудел! Что ты творишь? Каждый раз, когда я тебя вижу, я просто в ярости!

— ... — Фан Боцяо нахмурился и начал медленно жевать.

Этот мужчина полон противоречий. Внезапно начал следить за каждым его шагом, хотя до этого холодно игнорировал... Хотя ярость, исходящая от него, была настолько сильной, что, казалось, даже воздух вот-вот загорится. Та история с медсестрой стала последней каплей.

Он совсем не изменился: такой же вспыльчивый и ревнивый. Раньше это казалось странным, но сейчас... сейчас это заставляло сердце биться быстрее.

Он, кажется, начал понимать, какая борьба характеров и чувств скрывается за противоречиями этого человека.

— Я думал... придется ждать ещё долго, прежде чем ты согласишься на меня и заговоришь.

— Ты издеваешься надо мной? — Пэй Чэн хмыкнул, внезапно притянул его к себе и усадил на колени. Одеяло соскользнуло, обнажив покрытое красными следами, измученное место между ног.

— Нет... ах... — Фан Боцяо широко раскрыл глаза, а затем прищурился от нахлынувшей боли. Вдруг он заметил что-то неладное и опустил голову. Его помутившийся разум мгновенно прояснился.

— Кровь?..

Ярко-алая жидкость медленно просачивалась сквозь бинты, окрашивая пояс спортивных брюк Пэя. Из-за темного цвета ткани он не сразу заметил. Должно быть, это от их... действий... Он помнил, что тот ранен, но стоило ему оказаться в объятиях, как...

Его лицо залилось краской, он перестал думать и поспешно прижал ладони к ране, чтобы остановить кровь.

— А...! — палец, всё ещё находившийся внутри, вдруг дернулся. Фан Боцяо рефлексивно выгнул спину, сжав зубы.

— Ты... хватит! Рана разошлась, ты чего добиваешься...

— Подумаешь, кровь. Скоро сама остановится, так же, как и от раны на губе, которую ты оставил, — Пэй Чэн с равнодушием облизнул нижнюю губу и недовольно уставился на его ноги, которые он по привычке пытался свести вместе. — Разведи.

— Как это одно и то же? Подожди... даже если кровь остановится, рану нужно заново перевязать, иначе будет инфекция...

Фан Боцяо пытался уклониться и оттолкнуть его руку, но случайно заметил явное возбуждение мужчины и невольно охнул: он был возбужден тоже.

— Всё-таки тело честнее языка. Ты вечно говоришь не то, что думаешь, можешь хоть раз измениться? — Пэй Чэн тихо хмыкнул, внезапно потянул за край повязки и на глазах у потрясенного Фан Боцяо рывком сорвал её вместе с только что образовавшейся коркой.

— И что с того? Вообще не больно, — он безразлично посмотрел на него. — Когда я приехал к тебе домой, горничная сказала, что ты уехал за границу... Она сказала, что это была «давно запланированная» поездка. Ты и правда мастер, до самого конца соревнований мне не удалось заметить подвоха...

— ...Прости.

Не выдержав пронзительного взгляда, Фан Боцяо растерянно опустил ресницы. Глядя на ярко-красные пятна на поясе мужчины, он почувствовал, как к горлу подкатил ком. Кроме извинений, он хотел сказать что-то другое, но, промолчав долгое время, смог выжать из себя лишь:

— Прости...

Последний отзвук его слов утонул в поцелуе.

Хотя он беспокоился о ране мужчины, Фан Боцяо после минутного колебания послушно приоткрыл рот, позволяя горячему языку проникнуть внутрь. Он обнял его за шею, пытаясь ответить на поцелуй, но тот был настолько властным и агрессивным, что ему стало трудно дышать, и сознание, едва успев проясниться, снова начало уплывать в туман...

— Больше никогда не уходи от меня. ...Никогда.

Голос, доносившийся из глубины тумана, был тихим, но отчетливым. Ударив в самое сердце, он заставил его болезненно сжаться... Он никогда не думал, что слова могут иметь такой огромный вес, от которого хочется плакать.

...Никогда...

Он изо всех сил кивнул и крепче сжал свои объятия.

Бонус: День святого Валентина

Это был короткий эпизод, случившийся после зимних каникул перед финалом.

— ...Ваш класс в той стороне, разве нет?

Фан Боцяо с удивлением посмотрел на группу странных парней. После утренней тренировки они, вместо того чтобы идти к себе, крутились вокруг него и Тяньвэя. Даже Бай Цзяци, который из-за травмы ушел из баскетбольной команды, пришел составить им компанию.

— Не прогоняй нас, капитан! — с широкой улыбкой сказал Бай Цзяци. — Увидишь, мы тебе ещё пригодимся, обещаю.

— Капитан, ты правда не знаешь, какой сегодня день? — видя его полное недоумение, Ли Юйцин решил намекнуть.

— ...?

— Я так и знал. — Бай Цзяци преувеличенно тяжело вздохнул, едва не пустив слезу. Капитан в таких делах ужасно непонятливый. Каждый год одна и та же «неожиданность», а он всё равно забывает. А ведь он сам сегодня с раннего утра спешил в класс, надеясь хоть на что-то, а в итоге — пустота... Они же оба баскетболисты, и он считал, что выглядит вполне неплохо, почему же такая несправедливость?

— Ребята, идите лучше назад, — сказал Лэй Тяньвэй, опасаясь, что капитан, человек деликатный, скоро разозлится.

— Не-е-ет! Такое «чудо» раз в год увидишь, как можно пропустить! — не унимался Бай Цзяци.

Ни по солнечному, ни по лунному календарю вроде бы не было никаких важных праздников... Размышляя об этом, Фан Боцяо нахмурился и открыл дверь класса, после чего застыл на месте.

— Что? Что там? Я хочу посмотреть! — Бай Цзяци пропихнулся вперед, заглянул в класс через плечо застывшего Фан Боцяо, и другие последовали его примеру. Послышались возгласы изумления.

Стол капитана был неузнаваем: стол, ящики, пол — всё было завалено подарочными пакетами. Их было так много, что не пересчитать. Впервые они увидели, как можно использовать «ограниченное пространство» с такой эффективностью... По бокам послышались жалобные стоны: А где мой стол?. Бай Цзяци наконец не выдержал и расхохотался, держась за живот.

Эти девчонки... ну и прыть!

— Ну что, капитан, ты наконец вспомнил, какой сегодня день? Ля-ля-ля...

— Цзяци, хватит уже, — Лэй Тяньвэй поспешил оттащить не знающего страха бывшего товарища.

Хотя он был готов к чему-то подобному, масштаб его всё же поразил. Похоже, в прошлом году капитан сказал, что не любит сладкое, поэтому в этом году девушки решили дарить другое. Присмотревшись, он увидел баскетбольные мячи, кроссовки и прочий спортивный инвентарь. Объем подарков был в разы больше, чем у обычного шоколада, неудивительно, что всё превратилось в такую гору... Он смущенно взглянул на напряженное лицо Фан Боцяо и тихо предложил:

— Может, отнесем это в комнату клуба? А потом попросим менеджера Чжоу разобраться...

Он помнил, как в прошлом году капитан хотел вернуть всю эту гору шоколада обратно, но его вовремя остановили. В итоге менеджеру Чжоу, чья семья держала детский приют, пришлось потихоньку раздать всё детям, иначе они просто не знали, что с этим делать.

— ...Угу.

Фан Боцяо с трудом кивнул. Подняв глаза, он заметил, что все девушки, на которых он смотрел, тут же опустили головы. Он вздрогнул. В прошлом году он не понимал, что это значит, но теперь... Теперь он начал догадываться.

— Эти девчонки в этом году стали умнее, специально не подписывают подарки, чтобы капитан не смог их вернуть.

Боже, это же кроссовки известного бренда, стоят не одну тысячу! Бай Цзяци цокнул языком, снова удивляясь масштабам. Дарители, вероятно, и не надеялись на взаимность, им было

достаточно того, что любимый человек просто наденет их подарок.

— Капитан, если не хочешь, чтобы так было каждый год, заведи себе девушку! Хотя, может, и это не поможет...

Фан Боцяо бросил на него испепеляющий взгляд, и, дождавшись, когда товарищи закроют Бай Цзяци рот и утащат его прочь, он вместе с Лэй Тяньвэем, собрав всё в две огромные коробки и два пакета, понес их в спортзал.

— ...Капитан, а через коридор третьего класса не быстрее будет? — Лэй Тяньвэй шел за ним, но почувствовал, что что-то не так. Зачем капитан делает такой крюк?

— Там... не очень удобно, — спустя долгое время ответил Фан Боцяо. Он быстро спустился по лестнице и в мгновение ока исчез за поворотом. Лэй Тяньвэй едва поспевал за ним. Он удивился, почему капитан так спешит, но, едва вывернув за угол, чуть не врезался в чью-то спину. Эй... это капитан?

— Почему ты остановился?.. — он присмотрелся и подпрыгнул от изумления. Человек, преградивший путь капитану, был не кто иной, как... тот самый Пэй!

<http://bllate.org/book/21140/2144096>